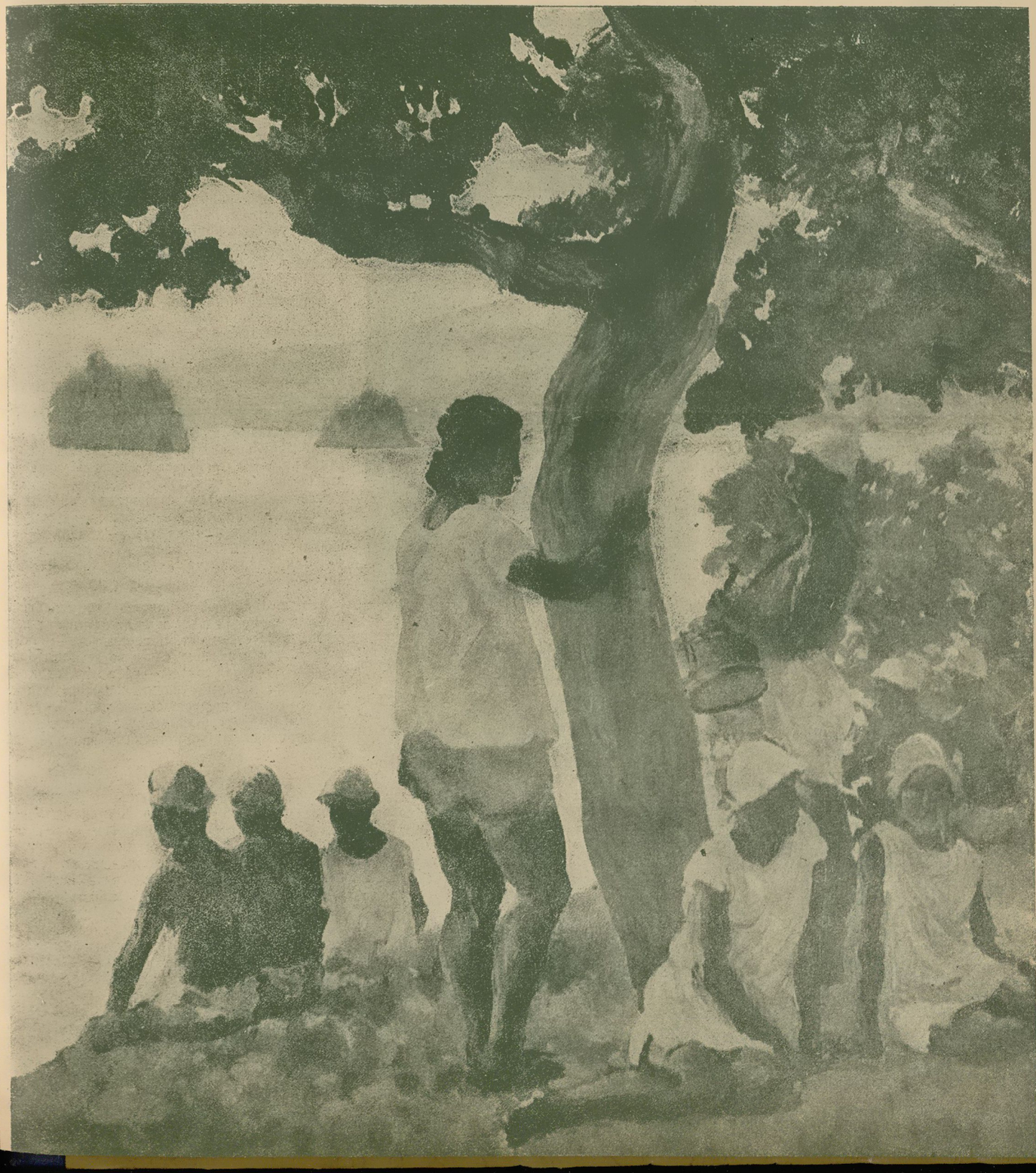
ЦЕНА номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

20575

ЖУРНАЛ Тульской АПП. ○○○ Май 1929 г. № 5 (30).



М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН.

(К 40-летию со дня смерти — 12 мая 1889 г.).

РУСЬ гоголевскую, т. е. Русь Собакевичей и Чичиковых, сменила Русь салтыковская — с Деруновыми, Колупаевыми и Иудушками Головлевыми. По своему идеологическому характеру и своим социальным настроениям Салтыков является духовным братом Некрасова. Как и сатирическая поэзия последнего, сатира Салтыкова неразрывно связана с ростом городской буржуазной культуры. Крымская кампания кончилась. Русский капиталистический сатана победоносно развернул свое знамя над всей „раскрепощенной Россией". Развернулась мужицкая земля и отовсюду, как страшные князи тьмы, полезли чудовища откупа, биржи и акционерных компаний и потянулись дельцы, рекламисты, прожектеры, шарлатаны, радикальные бюрократы, витии и печальники «интересов народных». Вся эта буржуазно-сатанинская пляска дивидендов превосходно передана в сатирической галлерее некрасовских «Современников». Но Некрасов был недостаточно сведущ в капиталистической демонологии. Вид банковских триумфаторов вызывал в нем только презрение. Близкая по мотивам Некрасову сатира Салтыкова носит более глубокий общественный характер.

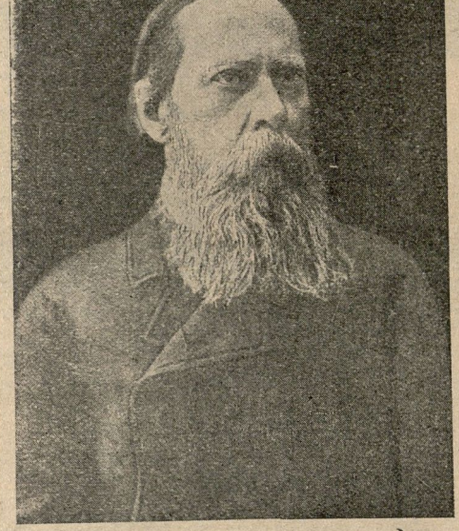
Сатирический талант Салтыкова представляет собою такое же самобытное и значительное явление в литературе, как и дарование Свифта, Раблэ или Теккерея. Если можно говорить о преемственной связи между Салтыковым и Гоголем, то лишь в области формы. Ибо Гоголь рассматривал и общество и чиновников с точки зрения моралиста, тогда как сатира Щедрина вся проникнута содержанием политическим. И как активная, боевая натура, тесно связанная с задачами своего времени, Салтыков определенно и резко подчеркивал тот ближайший общественный смысл, который он вкладывал в каждую свою вещь, независимо от того, шла ли в ней речь о «Пошехонской старине», о «Господах ташкентцах» или о «Господах Головлевых».

Обличая и негодуя, он нередко пускал в ход одно из самых страшных орудий своего разрушительного смеха — карикатуру. Щедринская сатира обладает в высокой степени чувством комизма, благодаря чему его насмешки не только ранят, не только впиваются злыми когтями в пошлое сердце головлевщины, но и уродуют, утрируют живые факты действительности. Освистанные им типы нередко под пером Щедрина превращаются в какие-то омерзительные гротески. И здесь источник тех суровых оценок, которые давались литературной деятельности (и еще более нравственной личности) Щедрина не только в журналистике тогдашнего времени (Зайцев, Писарев, А. Суворин и др.), но даже и в позднейшее время (П. Кропоткин). Однако критика разночинца и недоверие к Базарову (которое также ставилось в упрек Щедрину) проистекали у него не от аристократической гордости, а от презрения к «гибкой посредственности, недерзновенно пригибающейся то в ту, то в другую сторону и беспрекословно следующей направлению ледовитых ветров, цепенящих их родную равнину из одного края в другой». Над ней, над этой трусливой, мелкой, ползком пробирающейся мещанской посредственностью, беспощадно изощрял Салтыков свое гневное остроумие, и одну из самых блестящих своих сатирических битв дал он «среднему человеку» в «Истории одного города».

— Фабула исчезла, но в характере образовалась известная складка... Вот эту старую, неистребимую головлевскую складку и родные глуповские запахи, глуповские вожделения и смирения Щедрин постоянно чувствует и с едкой, грубоватой экспрессией постоянно подчеркивает во всех своих героях.

«Я должен сказать правду, — заявляет он в «Глуповском распутстве», — Глупов составляет для меня истинный кошмар. Ни мысль, ни действия мои не свободны: Глупов давит их всей своей тяжестью; Глупов представляется мне везде: и в хлебе, который я ем, и в вине, которое я пью. Войду ли я в гостиную — он там, выйду ли и в сени — он там, сойду ли в погреб или в кухню — он там... В самый кабинет, как я ни проветриваю его, настойчиво врываются глуповские запахи».

Понятно, что это вечное подтрунивание над «скверной, густой и застоявшейся глуповской кровью, над глуповскими устными преданиями и глуповской историей», т. е. над дикой и раболепствующей психологией всякого глу-



повца, — не могло быть по сердцу народничеству первой формации. Да и народничество, с своей стороны, так любившее приседать и впадать в умиление по поводу всех добродетелей мужицких, совершенно чуждо было сатирической душе Щедрина. На ряду с гневным презрением и злыми щедринскими выпадами против помещичей благодати, смешавшей «любовь всепрощающую с телесными поучениями», Щедрин откровенно высказывает не мало горьких истин и по адресу простоватых Иванушек и вообще далек от тенденции рисовать на розовом масле картины взаимного сближения между Иванушками и Сидорычами.

«Мне жаль Салтыкова, — писал Чехов Плещееву через несколько дней после кончины Щедрина. — Это была крепкая, сильная голова. Тот сволочной дух, который живет в мелком измошенничавшемся душевно русском интеллигенте среднего пошиба, потерял в нем своего самого упрямого и назойливого врага. Обличать умеет каждый газетчик, издеваться умеет и Буренин, но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения».

Тем не менее вера в то, что «непочатые силы» всколыхнулись и что уже недолго ждать пробуждения Иванушки от мертвой спячки, врывается довольно смелыми мажорными аккордами в сатирический тон всех салтыковских очерков.

Энтузиаст по природе, вечно носивший в себе неодолимую жажду к мирам далеким, Щедрин всей душой презирая тех «умеренных и аккуратных» людей, которые живут без цели, без мечты и, «как часы с ежедневным заводом, тикают и хотят, чтобы тик-так называли добродетелью».

Именно этот идеалистический энтузиазм, эта приверженность к «утопиям», окрылявшая огромный талант Щедрина и поддерживавшая в нем неугасимый пламень любви к дальнему, и дала ему бодрость и силу устоять на своем ответственном посту и в те печальные годы, когда кругом него вся русская жизнь превращалась в безмолвную пустыню.

Резкий боевой характер, который носило творчество Салтыкова, не позволял ему достигнуть ясного художнического спокойствия. Но обладал он тонким художественным даром и, как никто в русской литературе, сумел заглянуть в душу порабощенного народа, создав целую бессмертную галлерею героических протестантов, ополчившихся против «рабского образа», как, например, Мавруша-Новоторка, Сатир-Скиталец, Ванька-Каин и многие друг. Его Деруновы и Колупаевы остались незабвенным наследием незабвенного Чичикова, а Иудушка Головлев может по справедливости считаться российским Тартюфом.

Все многочисленные гротески и шаржи Щедрина — не только карикатуры. Они поражают также своей бытовой законченностью и глубокою жизненностью, или, как писал Михайловский, зловещею правдой художественного воспроизведения. Сквозь их карикатурный наряд ясно обозначаются «основы глуповской жизни» и их утрированные лица только заметнее выделяют те особенности, которые приковывают к себе проницательное око художника. Под действием резкой карикатуры эти бьющие в глаза уродства начинают казаться зловещей, но совершенно правдивой гримасой жизни и приобретают характер глубоко символической сатиры, — характер поистине трагической маски. Таковы все эти Финогеи, Родивонычи, Зубатовы, Перехват-Залихватские, Угрюм-Бурчеевы и проч.

Язык щедринской сатиры это — типичнейший русский говор. Салтыков не пишет поэму или роман, а рассказывает. И этот говор, — сочный бойкий, где в каждом слове во всей глубине трепещет русская жизнь, — тревожит, будит и бьет своим метким остроумием. Оттого сочинения его служат щедрой сокровищницей, откуда русская литература заимствует десятки оборотов, приемов и убийственных щедринских словечек.

Конечно, острота щедринской сатиры умерла. Многое из того, что написано было Щедриным, давно покрылось плесенью исторической могилы и читается со скукой. Тем более, что общественные идеалы Салтыкова были в достаточной мере сбивчивы и неясны. И если нет у Салтыкова таких откровенных акафистов в честь святой мужицкой хозяйственности и «здоровенных псов», как у Некрасова, то все же смычка города и деревни, в каком бы то ни было виде, ему казалась немыслимым кощунством. В его глазах горожанин — великий плут и бездельник, заедаемый «сволочным духом» мещанства; тогда как единственным поильцем и кормильцем земли русской был и во веки пребудет — мужик («Коняга»). Однако, поскольку мы и сегодня встречаем на всех перекрестках русской действительности Деруновых и Колупаевых (хотя и в новой коже), поскольку жив еще «сволочной дух» мещанства, многое из того, что ядовито осмеяно Щедриным, небесполезно перечитать и вспомнить и в наше время.

Ежемесячный литературно-художествен. журнал

МОЛОТ

Тульской ассоциации пролетарских писателей

IV год издания. | Май 1929 года. | № 5 (30)

ОДЕСА 30 6 29

* * *

Мастерские и проходы
Мне знакомы все до точки,—
Шестеренки и приводы,
Говоруны-молоточки...
Иль меня вы не узнали?
Кто шумел, звенел тут с вами?
Вновь плывут резцы по стали,
Бродит гомон корпусами.
Пыльный цех, родимый говор,
Электрические луны.
Я сегодня слышу снова
Мерный гомон, шелест стружный.
Вьется стружка синей змейкой.
Я, как прежде—дома, дома:
В каждом цехе и ячейке
Жмут мне руку по-родному.
Вон бумаги лист аршинный,
Мне давно твердят об этом:
—Напиши, Ванек, стишину
В цеховую стенгазету...
В чем же дело?
В чем же дело?
Карандаш и сердце рядом,
И весна опять взлетела,
Окрыляя песни радость.

Ив. Костин.

ГРОЗЫ.

И слышал я, не спя ночами,
Мой край задумчивых берез
В таком торжественном молчаньи
Ждет наступленья первых гроз.
Еще поля не зеленели
Предчувствием веселым полны,
Вот-вот и степи загудели
Громами тракторной колонны.
Свежа, прозрачна вышина
Лежит над ветхими домами,
Но вековая тишина
Теперь расколота громами.
И мчатся тракторы, пыля,
И обновленьем дышат хаты.
О, сколько радости в поля
Пролили первые раскаты!
Знать, потому мои глаза
Цветут огнями впечатлений,
Что в старый край прольет гроза
Свой первый ливень обновленья.
Взойдут так пышно зеленя
В такие радостные грозы,
И будут крепнуть в деревнях
Об'единенные колхозы.

В. Вешняк.

РАЗГОВОР С СОЛНЦЕМ.

Мне ль сегодня казаться зловещим,
Мне ль грустить, наклонившись устало?!
Сердце, пой!
Пусть отрада заблещет
В ярком горне сердечного жара!
Солнце, пой!
Умывайся просторами,
Ведь дорога п ед нами ясна,
Суждено, видно, быть, нам веселыми,
Суждено нам звенеть, как весна!
Ты горишь! —
ничего не значит! —
Полыхает и сердце мое:
Ведь пред нами одна задача: —
Переплавить жизни литье!
Так сверкай же, сверкай над долинами,
Песни пой в синеглазую высь!
Мы сегодня с тобой воедино
В звуках радостной стройки слились!

Косая Гора. **Михаил Рудин.**

НОВАЯ ДЕРЕВНЯ.

Настоявшись зиму вволю,
Ныне с раннего утра
Побрели гуськом по полю,
Громыхая, трактора.
Собрался народ—судачит:
—Эко, дьяволы!.. Они
Так и роют без остачи
Межи, рубежи и пни!
Удивляются крестьяне
И смеются с солнцем в лад,
Что не видывали ране
Этих дюжих жеребят:
— Эти дьяволы просвищут
Матку-землю до нутра
И родят такую ржищу,—
Не свезешь ее с бугра.
Наши клячи-то устали б,
Эти ж прут, как велено...
Да, повел Расею Сталин
По дорожке Ленина!

Г. Куликов.

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА.

(Бойцам „чистого" искусства).

Только сердце стучало четко,
Когда сны
лоскутами пестрели.
Он вошел
величавой походкой
И присел
у моей постели.
У него —
распрекрасная
внешность:
Волосищи
священнейших батек,
В томном взгляде
тоскливая нежность
И на шее
в два метра
бантик.
Между пальцев
акации ветка
И на ней,
под любовные вздохи,
В золочено-серебряной
клетке
Прикурнул
соловеюшко дохлый.
А багаж
за спиною
упрятан:
Муза,
Лира,
луна из картона;
Отпевальный
дымящийся
ладан
И водицы —
четыре бидона.
На вопрос мой
простой и скромный
Незнакомец
ответил страстно:
— Перед Вами
поэт лирозвонный
Из страны
нелюдимой, прекрасной!
— О-ох...—зевнулось мне
к левому глазу —
Вы — поэзии, значит,
святыня,
А вот я
не припомнил
Вас сразу
И за чучело
принял.

И. Юдин.





"Апельсины"

Рассказ Н. Стрекопытова.

Рис. А. Лесного.

Целый день идут приготовления в порту к встрече парохода «Маркони».

— Буна зыуа, товарищ, чей ноу[1])?

— Нового много. Но давай говорить по-русски и тише. Уж очень много собралось чиновников из префектуры и сигуранцы[2]).

— Пожалуй, правда. За русскими сейчас следят меньше. Порт забит грузчиками-эмигрантами из России. Они политически безопаснее.

— Однако к делу. Из Италии прибывает пароход. Груз его нашему комитету кажется подозрительным. Надо выяснить, что прибудет, и донести в комитет.

— Хорошо, товарищ Иванеску. Постараюсь узнать. Однако, что комитет подозревает?

— Определенного ничего, но приготовления полиции, усиленные войсковые патрули и ряд других признаков дают основание думать о чем-то нехорошем.

— Адие! Мыне прима май[3]).

— До свидания. Завтра пролетариат делает смотр своих сил.

Легкой походкой гуляющего человека, комитетчик-рабочий Иванеску по ступенькам порта стал подниматься в город, а его собеседник, грузчик Миколаску, расправив богатырские плечи, направился к молу, к стенке которого подходил «Маркони», двухтрубный товарный пароход под итальянским флагом.



— Каков груз капитан?— нарочно громко, здороваясь с капитаном, кричит таможенный агент, поднимаясь по трапу на пароход.

— Апельсины, сельскохозяйственные машины и орехи!

— Документы в порядке, можете разгружаться, небрежно взглянув на ящики и расписавшись в грузовой ведомости, жмет капитану руку чиновник.

— Навались!— командует штурман.

Мигом завизжали блоки лебедок, шутя поднимая тяжелые, обитые железом ящики.

Забегали на берегу грузчики. Подкатывают, грузят и отвозят тяжелые вагонетки в длинные деревянные пакгаузы.

Среди грузчиков «шныряют» подозрительные типы, в которых сразу и безошибочно можно узнать агентов сигуранцы.

«Портокала[4]), — крупная надпись на ящике, медленно скользящем по блоку с палубы на пристань.

Два грузчика, подкатив вагонетку под ящик, снимают с крюка цепи, охватывающие груз, и ящик остается на тележке.

— Давай!

Взвизгивает блок, и снова ползет сверху ящик

— Плохие апельсины, совсем без запаха,—подмигивая, говорит Миколаску своему товарищу.

— Сейчас посмотрим,— шепчет Александр, смелый и энергичный юноша.

— Давай!

Взвизгнул блок, натянулась освобожденная с одной стороны цепь, и ящик боком, неуклюже пополз вверх.

— Стой! Назад,—кричит штурман матросам, но уже поздно.

Выскользнув из петли, ящик, зацепившись за тележку, ударился о каменные плиты мола. Круглые, яйцеобразные чугунные мячики, слишком мало похожие на апельсины, покатились по земле.

Поток ругани и проклятий не производит впечатления на грузчиков. Работа остановилась.

Раздались тревожные свистки полицейских, и только после их энергичных понуканий к грузчикам вернулось их обычное безразличие к грузу. Зато надписям—«апельсины» — никто больше не верил.

— Давай!

— Принимай!—до поздней ночи неслось с мола.

II.

Оглядываясь по сторонам, в сумерках туманного вечера осторожно, почти бесшумно, скользит фигура мужчины.

Глядя на богатырский рост идущего, странной кажется его подвижность и легкость поступи.

Около небольшого домика в темном переулочке, оглянувшись еще раз-другой, он тихо стукнул в оконный ставень.

Через небольшой промежуток времени еще такой же стук, и калитка бесшумно открылась.

— Миколаску, ты? А мы тебя давно ждем.

— Раньше не мог. Как только мы ящик разбили, за мной и Александром привязались шпики. Пришлось мне для отвода глаз зайти в кабак, взять бутылку водки и «напиться» пьяным. Шпик, конечно, не подозревал, что вместо водки я «тяну» чистую воду и у бедняги слюнки текли во-всю.

От кабака до моего угла он все же меня проводил, и, вероятно, решив, что я достаточно «набрался», подежурив немного на улице, удалился.

— Жаль будет, если Александр по своей молодости попадется.

— Не бойся, Александр хоть и молод, но осторожен и выдержан отлично. Его провести трудно.

— Ну, что же, начнем что ли, пора--поднялся худенький и низкорослый Попеску.

— Да, давайте,—хором ответили из разных углов.

Глаза Миколаску привыкли уже к полутемному помещению, и он увидел в комнате человек 12—15 собравшихся комитетчиков.

— Предлагаю осветить положение на местах и подготовленность к завтрашней демонстрации, — обращается Попеску к собравшимся.

Один за другим присутствующие сообщают о настроении рабочих, о их готовности дать отпор фашизму и о проделанной организаторами работе.

— Ну, вот и отлично,—заключает Попеску.— Наша задача завтрашнего дня—остановить все предприятия. Собрав демонстрацию, мы потребуем освобождения из тюрьмы наших товарищей, уничтожим оружие, привезенное сегодня и предназначенное для нападения на Советский Союз.

— Давайте потребуем отмены запрещения рабочих революционных газет,—говорит Иванеску.

— Это не пройдет, — улыбается Попеску. — Мы недостаточно окрепли, а фашизм настолько силен, что все равно у нас это право сейчас же отберут. Удовлетворимся же тем, что захватим завтра, сумеем закрепить за собой.

— Согласны, правильно!

— А теперь давайте по-одному расходиться. До завтра.

III.

С утра все явились на работу. Как и всегда, вертелись трансмиссии, но работать не принимался никто.

Напрасно мастера и администрация пробегали по цехам, напрасно расхаживали полицейские,— заставить работать они были не в силах, потому что то же было и на других фабриках, и в же

---

[1]) Здравствуй, товарищ, что нового?

[2]) Префектура и сигуранца —наружная и тайная полиция.

[3]) До свиданья, завтра первое мая.

[4]) Портокала — апельсины.



лезнодорожных мастерских, и в трамвайном парке, и в порту, и всюду, где только были рабочие.

Первомайская стачка была отлично организована и подготовлена. К девяти часам с фабрик и заводов на улицу повалили людские потоки. Кровавыми пятнами вспыхнули полотнища красных знамен и под звуки победных, революционных песен, под такт духовых оркестров потоки слились на городской площади в бурное, шумное море.

Как тараканы от дневного света, попрятались в щели полицейские. Улетучились куда-то и армейские патрули.

А на площади шел митинг. Один за другим выходили на трибуну-автомобиль ораторы и говорили зажигающие, как огонь, речи.

Митинг кончился, и вздохнуло живое море. Всколыхнулось и зашумело волнами.

Широкой волной вылилось на улицу и поползло вверх к городской тюрьме,—серому каменному замку.

Только один выстрел глухо прогремел в тюремной ограде. Застрелился начальник тюрьмы, жестокий палач-истязатель, почувствовавший, что ему пришел конец.

Тюремная стража открыла ворота без сопротивления.

Теперь в бурный поток влились новые силы. С плачем и смехом от радости, восторженная, празднично настроенная лава катилась к морю, чтобы доказать взаимную солидарность мирового пролетариата.

Из деревянных дверей пакгауза вытаскивали ящики с оружием, разбивали их ударами о землю, гнули стволы винтовок, портили пулеметы и вместе с гранатами бросали в море.

На этот раз не помогли ящикам их мирные надписи.

А в море, на рейде покачивались военные и торговые суда, приветствующие берег красными флагами.

. . . . . .

На узловой станции скопилось несколько воинских эшелонов, направляющихся к городу.

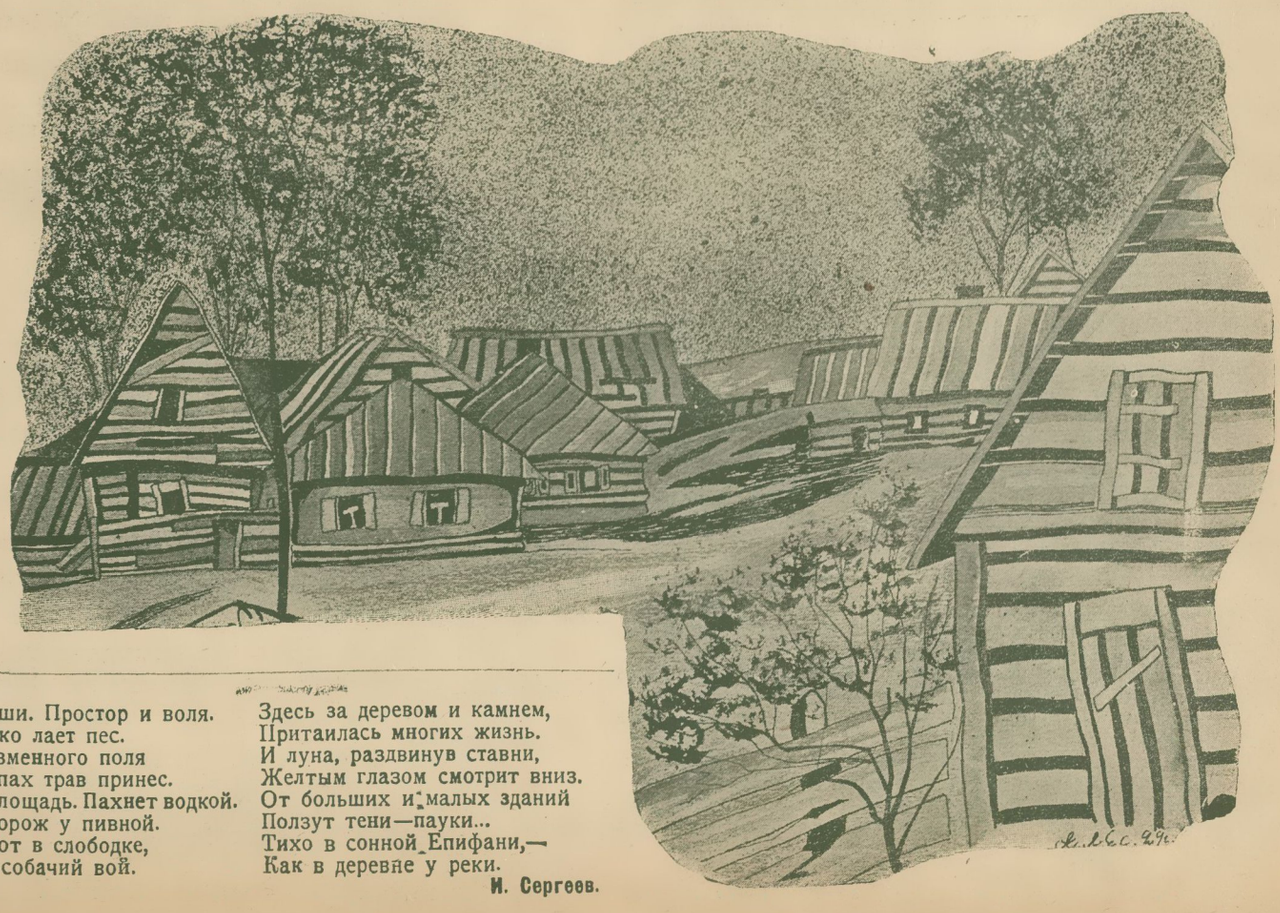
В 30 верстах стояла сила, которая должна была прекратить «беспорядки», но и здесь помогла пролетарская, взаимная солидарность.

Все паровозы в депо стояли холодными...



Рис. А. Лесного.

ОКРАИНА.



Ночь в глуши. Простор и воля.
Где-то звонко лает пес.
Ветер с низменного поля
В город запах трав принес.
В центре--площадь. Пахнет водкой.
Дремлет сторож у пивной.
Петухи поют в слободке,
Вторит им собачий вой.

Здесь за деревом и камнем,
Притаилась многих жизнь.
И луна, раздвинув ставни,
Желтым глазом смотрит вниз.
От больших и малых зданий
Ползут тени—пауки...
Тихо в сонной Епифани,—
Как в деревне у реки.

И. Сергеев.

Рис. А. Лесного.



Рассказ С. Ветрова.

I.



ВЕДЬ многие не верят в предчувствия, относят эти штуки к предрассудкам и снисходительно улыбаются, когда вы рассказываете про признаки, предшествовавшие постигшему вас несчастью.

Скажите, пожалуйста, видели ли выкогда-нибудь во сне мясо? Не вареное,—вареное ерунда, а сырое мясо с кровью?

Я уверен, что если это было, то через три—четыре дня после такого гадкого сна вы обязательно болели. Обязательно.

Ну, конечно, если мясо лезло вам в глаза в ночь под какой-нибудь праздник,—тогда другое дело...

Яша Ручкин не видел во сне мяса с кровью. Яша Ручкин проснулся с какой-то смутной тревогой на сердце, потянулся с кровати к столу за папироской и в этот самый момент с необыкновенной ясностью вспомнил свой сон.

Во первых, река... Церковь. И куры...

Тишина в соседней комнате и кухне говорила о том, что жена ушла на базар.

Затягиваясь папиросой и понемногу успокаиваясь, Ручкин начал разгадывать свой сон.

Итак—река... Река—речи, церковь—казенный дом... Это ничего, это об'ясняется просто: придет сейчас на службу в коммунхоз (казенный дом), начнутся служебные и неслужебные разговоры (речи)—и все...

А вот куры?! Какие-то необыкновенно большие, необыкновенно сердитые куры, которые лезли ночью на Яшу, бежали за ним...

Куры—сплетня. Но оттого, что их было много, и потому, что они даже бежали за ним, в глазах Яши эта сплетня вырастала во что-то слишком серьезное. Как знать, не повредит ли эта сплетня служебной карьере? А ведь, как просто, как легко испортить карьеру такому маленькому человеку!

Правда, с появлением этой самой самокритики с Яшей, простым конторщиком, начальство, нельзя сказать лучше, а как-то нежней обращается, а все же...

Раз ышления Ручкина были прерваны женой Ниной Павловной, которая принесла в комнату вместе с ридикюлем струю холода с улицы.

— Яшенька, сходи за водой, голубчик... Вставать надо.

Часы показывали восемь. Торопливо одеваясь, Яша, решал: рассказать жене сон или нет. Зная мнительность Ниночки, он боялся испортить ей настроение, что всегда сопровождалось обильными слезами, и в то же время надеялся, что может быть Ниночка лучше растолкует скверный сон.

Возвращаясь от будки с ведрами воды, Ручкин принял твердое р шение: молчать. Прежде всего потому, что посвящение жены в эту неприятную историю надолго лишит ее необходимого покоя, а гла ное,—раз куры—другого об'яснения сну придать нельзя. Нужно терпеливо ждать исполнения.

С напущенным выражением равнодушия Ручкин напился чаю и, нежно простившись с же ой, с какой-то жалостью к самому себе отправился в коммунхоз.

II.

Апрельское солнце давало себя знать. Были мокры и скользки тротуары, на углах стояли лужи, а подняв голову, вы видели стандартный для этого сезона голубой цвет неба.

Ручкин был в новых калошах, что дополняло ему возможность радоваться весне, по счету для него тридцать пятой.

Сон выскочил из го овы, на душе (душа у него была очень чуткая) было н обыкновенно легко.

Только в раздевальной коммунхоза, когда весенняя улица осталась за дверью, на сердце у Ручкина что-то засосало.

У дверей своего отдела он встретился со старшим делопроизводителем и наскоро придумал фразу для того, чтобы что-нибудь сказать:

— Весна, Иван Николаевич...

— Да.. сунув ему небрежно руку, неопределенно промычал Потапушкин.

День начался обыкновенно. Жилищный отдел утратил былое значение, и теперь только изредка граждане устраивают в нем скандалы.

Вместе с приходом зава, курьерша принесла газеты.

К газетам Ручкин относился скептически, но считал своей обязанностью, после того, как Потапушкин отладывал в сторону свежий номер, спросить:

— Разрешите, Иван Николаевич? и бережно нес газету к своему столу.

Сегодня он обратил внимание, что Потапушкин особенно внимательно читает газету. Он даже вставал с ней, подходил к окну и сверх обыкновения сам подошел к столу Ручкина и сказал, передавая газету:

— Прочтите Яков Петрович... Новости есть.

Ручкин отложил копию какого-то договора и принялся за чтение.

«Приезд английских промышленников в Москву»,—читал он на первой странице.

— Ну, если это и новость, то она никакого касательства к Ивану Николаевичу и ко мне не имеет,—подумал Ручкин, перевертывая страницу.

«Поражение антисоветского блока»—мимо...

«О чистке советского аппарата».

— Ага... Вот она новость-то! Об этом, правда, писали и раньше, но как-то не думалось, что это может быть так скоро у них в городе.

Ведь это значит сейчас, сию минуту могут войти в эту дверь и...

— Яков Петрович, дайте дело номер 25.

Ручкин вздрогнул, отыскал в шкафу нужное дело и, передав Потапушкину, снова уткнулся в газету.

Статья была небольшая В ней говорилось о назревшей необходимости очистить аппарат от чуждого элемента, бюрократов, примазавшихся и прочих.

Ручкин прочел ее еще раз, потом еще раз и взволнованный, не читая хроники, отложил газету.

И как только сделал он это, сразу вспомнил свой сон.

— Сбывается,—пронеслось в голове. Господи! а куры-то...

Страшные предположения не давали работать.

Яков Петрович теперь твердо знал, что между черными, сердитыми курами и статьей о чистке существует неизбежная, роковая связь.

К концу занятий он совсем заболел.

III.

Когда Ручкин подходил к дому, то знал, что молчать больше он не в силах. Нужно постараться спокойно рассказать все Ниночке. Скрывать дальше нельзя; нужно обсудить все вдвоем, может-быть теперь же принять какие-нибудь меры..

Нина Павловна собирала обед, когда Яков Петрович, самым непринужденным тоном сказал:

— А у нас чистка, Ниночка, начинается...

— Сокращение? — испуганно спроси а жена, застыв у стола с ложкой в руке.

— Нет, чистка,— спокойно продолжал Ручкин,—чистка чуждого элемента, примазавшихся и прочих...

И оттого, что он говорил совершенно покойно, Нина Павловна решила, что опасности для Яши, значит, нет.

Ели суп.

— Нина, скажи, пожалуйста, кто был твой дедушка?

— Дедушка?—удивилась она,— Мой дедушка.. Сергей Петрович Бурцев .

— Да нет...— раздраженно перебил Ручкин.— Делал он что? Служил, работал?

— Я не знаю, милый .. А зачем это тебе?

— Нужно. Ты вспомни, пожалуйста, или напиши б ату.

Я, видишь ли, за себя не боюсь—отец, ведь, писарь казенной палаты, и ты.. Ты просто домашняя хозяйка с детства..

А вот родные-то твои.. А?—с тревогой остановил он глаза на жене.

Она уже догадалась, в чем дело, и, сосредоточенно морща лоб, вспоминала родословную.

— Примазавшимся меня не могут считать—не к чему примазаться-то..—рассуждал Яша, — бюрократом тоже,—что у меня кабинет что ли? А вот чуждым элементом...

— Не знаю, Яшенька—сказала Нина.

«Рассказать про кур разве», думал Ручкин, направляясь в спальню.

И рассказал.

IV.

Бледная от волнения, сидела у кровати Нина Павловна и скорбными глазами смотрела на мужа.

А он, полулежа на кровати, в десятый раз рассказывал сон и с каждым разом увеличивались в размере черные куры, постепенно превращаясь в каких-то чудовищ.

Нина Павловна категорически подтвердила связь между курами и статьей о чистке.

Не приснись церковь, можно было бы надеяться, что куры напортят что-нибудь в семейных отношениях, а уж раз церковь, значит, непосредственно куры имеют отношение к казенному месту, т. е. к коммунхозу.

В эту ночь Ручкины не спали.

В эту тяжелую ночь они строили догадки: с какой стороны придет беда.

Напрягая память, в третьем часу ночи, им удалось установить, что их отцы, деды, прадеды, тетки и дяди, вплоть до детей троюродных братьев, никакого отношения к чуждому элементу не имеют.

Правда, Нина Павловна неопределенно ответила о сестре своей бабушки, но каким элементом могла считаться женщина до революции?



На рассвете Ручкины окончательно успокоились.

Нина Павловна даже предложила соснуть немного.

— Ниночка,—с дрожью в голосе сказал вдруг Ручкин,—а история с мукой?!

— Но, Яша...,— начала жена.

— История с мукой,— возбужденно перебил Ручкин,— она может погубить меня, тем более, что теперь муки тоже недостаточно... Ведь могут причислить к спекулянтам, а спекулянты, безусловно, чуждый элемент...

Сна как не бывало.

Событие восьмилетней давности, случай, о котором Ручкин, рассказывая после, выставлял себя, как героя, оказался злополучным.

А случай вот какой. В 21 году, не то 22-ом, Ручкин поехал на крыше вагона за мукой. На крыше он и привез два пуда муки, оставив в деревне серый костюм и шаль Ниночки. В родном городе, на станции, муку и Ручкина задержали. Серый костюм и шаль казались безвозвратно утерянными. Ручкин не выдержал, в довольно резкой форме выразил протест человеку с винтовкой, и его здесь же, на станции, посадили. Составили протокол. А потом, вечером, пришел в камеру какой-то дядя с бородой и винтовкой, увидел в углу жалкую фигуру убитого горем Ручкина и добродушно сказал:

— Сматывайся...

Когда Яков Петрович уходил, человек с винтовкой пытливо осмотрел его и сказал:

— Забирай муку-то свою, спекулянт...—и улыбнулся.

Мука была съедена, а случай вспоминался редко.

— Яша,— первая нарушила молчание жена,— ты рассказывал кому-нибудь про муку на службе?

— Да, Ниночка... Потапушкину, Ивану Николаевичу... — признался Ручкин.

— Какой ты неосмотрительный, милый... надо же всегда все предвидеть... Зачем это было нужно?

— «Ты права, Нинок, но беда не в этом, беда в том, что я не рассказал с подробностями... Я, видишь ли... Ну, одним словом... я сказал, что провез пять пудов и убежал от охраны.

— Какая глупость, какая непростительная глупость,— раздраженно сказала Нина. И совсем зло кинула: «Герой какой!!»...

Ручкин не оправдывался.

Мозг Ручкина лихорадочно работал: он искал выхода из положения. И он нашел его

С торжествующим видом, слегка даже суровый, он сказал:

— Нина, посмотри, который час, и давай приляжем. Завтра я возьму справку из железнодорожной чеки о том, что муку мне возвратили. Завтра же после службы я принесу справку».

— Эх, ты, герой,— уже ласково произнесла Нина и стала готовить постель.

V.

У Якова Петровича аппетит оказался окончательно потерянным. Мало того,—в глазах Яши Ниночка стала замечать какой-то зловещий огонек..

Короче: дела были совсем плохи...

Дома Ручкин почти не разговаривал. О былых супружеских ласках не могло быть и речи. Ниночка гадала на картах в отсутствие мужа.

Через пять дней, после неудачной попытки получить справку о муке, Ручкин пришел со службы по обыкновению в четыре часа и, не раздеваясь прошел, в столовую. Его поведение поразило Нину Павловну.

Уставившись глазами в потолок, Яша что-то сосредоточенно соображал, не замечая жены.

Еще больше удивило Нину, когда Ручкин молча полез на чердак. Ужасное предположение заставило побледнеть Нину Павловну.

На чердаке Ручкин пробыл недолго, и спускаясь оттуда, отряхнув с пальто пыль и паутину, сказал:

— Радио..

В этот вечер он повеселел.

— Ниночка—начал он, допив третий стакан чая.

— Дорогая Ниночка, нам придется экономить...

Нужно купить радио-приемник... Ты понимаешь?

— Да—покорно ответила она.—Я понимаю, как тяжело тебе, Яша...

В пятницу Ручкин зашел в местком.

— Дорогой товарищ,— обратился он к председателю.— Я хочу радиофицироваться. Давно думаю..

— Хорошее дело, товарищ Ручкин; кстати не мешало бы вам вообще активность проявить, а то вас и не слышно...--сказал предместкома.

Ручкин молчал.

— Газет вот вы не выписываете, кажется...—продолжал Семен Сергеевич.

Ручкин опять молчал—правда, ведь...

— И как я это раньше-то не сообразил—подумал он.

— Я, знаете ли, Семен Сергеевич—сказал он наконец,— даром слова не обладаю, а так... что же.. Я против активности не возражаю... и газеты тоже..

— Ну, ну, валяй! — хлопнул по плечу Ручкина председатель.

— Валяй, товарищ Ручкин.

С того дня Ручкин начал «валять».

Прежде всего заказал радио-приемник. Выписал «Известия», «Правду» и «Экономическую Жизнь». Благодаря своей рассеянности Ручкин стал получать два номера «Известий». Зато «Правду» ему не высылают.

Это он при выписке немножко ошибся. Дело-то новое.

Нина давно смирилась перед неизбежностью отказаться временно от «минского» хлеба к вечернему чаю; вме то этого Ручкин ежевечерне, с большими подробностями, посвящает жену в дела Аманулла-хана и в ход посевной кампании.

С предместкома, с Семеном Сергеевичем, у Яши стали намечаться товарищеские отношения.

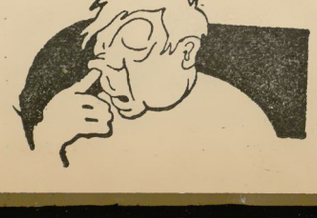
Потапушкин и тот стал что-то любезнее.

Прошло две недели с той самой ночи, когда за Ручкиным бежали черные куры. Это считается предельным сроком для выполнения сна.

Кто-то разнес по коммунхозу слух, что чистка отложена на неопределенное время. Было заметно, что это порадовало не одного Ручкина

Собственно говоря, этот слух особенно и не обрадовал Якова Петровича, так как за два дня до этого известия Нина Павловна узнала от своей тетки, что видеть кур—к хлопотам.

А разве мало было хлопот за эти две недели у бедного Ручкина?



ПОДЛОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

РАССТРЕЛЯНА ПЕРВАЯ РАБОЧАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ.

Выстрел по рабочим Берлина послужит сигналом к новым боям против буржуазии и ее социал-лакеев.



На снимке: одна из мощных демонстраций германских красных фронтовиков. На трибуне тов. Леов.

ДЕНЬ 1 мая 1929 года останется в памяти мирового пролетариата, как день неслыханного преступления германской социал-демократии.

В этот день берлинская полиция, выполняя приказ социал-демократического обер-полицеймейстера Цергибеля, расстреляла первомайскую демонстрацию берлинских рабочих. В этот день социал-демократия окончательно выявила свое подлинное лицо прислужницы германской буржуазии и сделала за нее то, чего никогда не решилась бы сделать сама буржуазия. Три-четыре десятка убитых и сотни тяжело раненых рабочих, ряд расстрелянных домов, тюрьмы, забитые арестованными, запрещение органа германской компартии «Роте Фане» и, наконец, закрытие «Союза красных фронтовиков»—вот подвиги германской социал-демократии, вот ее «рады стараться» во славу германского, а также и международного капитала.

Первомайское преступление германских меньшевиков подготовлялось долго и исподволь. Рост капиталистической рационализации в Германии довел эксплоатацию рабочих до никогда невиданного уровня. Рабочий день, при исключительно интенсивном, по-американски организованном труде рабочего, равняется 10—11 часам. Заработная плата снижена до 80 проц. довоенной. Сотни тысяч рабочих выброшены из производства благодаря этой самой «рационализации». Армия безработных в Германии возросла до размеров 1923 года—т.-е. до трех миллионов человек.

С другой стороны, германское капиталистическое государство с каждым месяцем все более завинчивает свой налоговой пресс. Германская буржуазия возродила свои империалистические устремления. Она, при пособничестве социал-демократических министров, вновь заводит военный флот, она стремится получить обратно колонии, она торгуется с англо-французской Антантой и, опираясь на американский капитал, стремится занять выигрышное положение в европейской политике. И именно германская буржуазия ищет выгодных условий, чтобы запродать свое участие в антисоветском блоке, организуемом Францией и Англией.

В ответ на капиталистический нажим растет революционность германского пролетариата. 1928 и 1929 годы полны героических эпизодов борьбы за 8-часовой рабочий день, за лучшие условия труда, за более высокую зарплату, за пересмотр колдоговоров в интересах рабочих. Массовые забастовки металлистов, текстильщиков, транспортников прокатываются по Германии. Бурными демонстрациями выражается движение безработных. И германский пролетариат в этой борьбе за свое право на труд, на человеческие условия жизни научился, наконец, разбирать[illegible] его друзья, его защитники, его вожд[illegible] чаях большинство коммунистам. [illegible] щей интересы рабочих, падает, и об[illegible] пропорционально возрастает значен[illegible] партии. Реформистские, желтые про[illegible] зы, подло сорвавшие целый ряд масс[illegible] забастовок, теряют свое влияние; на [illegible] им идет рост левых, революционных [illegible] организаций, несмотря на все усилия [illegible] шевиков и реформистов выбросить [illegible] профсоюзов революционно настро[illegible] рабочих и коммунистов.

Бешеное озлобление социал-демок[illegible] против одерживающей победы комп[illegible] заставляет социал-демократов не [illegible] сняться средствами. В своей «борьб[illegible] массы» социал-демократы решительн[illegible] новятся на одну линию с германским[illegible] шистами. Травля коммунистов в мест[illegible] вистских газетах идет во-всю. Ос[illegible] излюбленным приемом социал-демок[illegible] являются обвинения коммунистов [illegible] полнении директив Коминтерна», в [illegible] водстве из Москвы». В этом отно[illegible] какой-нибудь «Форвертс» (главная [illegible] социал-демократов) ничем не разни[illegible] германских, французских и англи[illegible]



[illegible]отенных газет. Натравливание по[illegible] судебных властей и охранки на [illegible]истов стало за последние месяцы [illegible] обычным делом германских социал-[illegible] социал-предатели спаяли свою судь[illegible] германским ново-империализмом. Они [illegible] с буржуазией в правительстве. Они [illegible] закон о постройке военного флота. [illegible]ячески «содействуют» сближению [illegible]ии с Англией и Францией, стремясь [illegible]жить» перед англо-французским им[illegible]змом своей зоологической злобой [illegible] СССР, своим науськиванием на [illegible] германского пролетариата с нами. [illegible]ские организации, фашистские па[illegible] монархичсские демонстрации, весь [illegible]тупил фашизма, которым германская [illegible]ия думает огородиться от нара[illegible]ей пролетарской революции, забот[illegible]раждаются социал-демократически[illegible]-полицеймейстерами (социал-демо[illegible]очень любят полицейские места!). [illegible]ворот, нет тех подлейших запретов, [illegible]ий, придирок, которые бы ни при[illegible]эти господа по отношению к ком[illegible]ам—вплоть до запрещения перво[illegible] демонстрации.

[illegible]щая эту демонстрацию, социал-прой[illegible]тлично знали, что они, в интересах «демократической законности и порядка», провоцируют компартию и рабочих. Они знали, что германский рабочий не отдаст без боя своего «права на улицу» в этот день и что коммунисты поведут рабочих протестовать против социал-демократических держиморд. И все же социал-полицеймейстеры издали приказ, отменяющий демонстрацию, не поскупились на угрозы рабочему населению и 1, 2 и 3 мая действительно «не пожалели патронов». Они знали, что этим кровавым делом социал-демократия оттолкнет от себя весь сознательный пролетариат Германии, но они шли на это, так как давно уже порвали с пролетариатом сами и соединили свою судьбу с судьбой буржуазии на положении ее «кровавых псов».

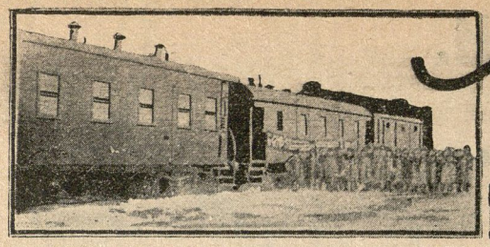
Расстрел первомайской демонстрации социал-негодяи довершили закрытием союза красных фронтовиков, той мощной стотысячной военной организации германского пролетариата, которую он создал и укрепил, как свой оплот против наседающего фашизма. Распущены отряды, конфискованы средства союза. Этим закрытием социал-демократы грозили уже целых полгода; теперь они привели угрозу в исполнение. Они стремятся заслужить не только похвалу своего хозяина—германской буржуазии,—но и сочувствие англо-французской Антанты. Социал-демократы знают, что союз красных фронтовиков, поставивший на своем знамени лозунг защиты СССР, мог бы стать активной силой в отражении англо-французского нападения на Советский Союз. И они, распуская его, хотят подчеркнуть Антанте свою готовность искоренять большевизм во всеевропейском масштабе. А это, в свою очередь, поможет германской буржуазии выторговать лишнюю сотню миллионов платежей у Англии и Франции и добиться права иметь колонии,—словом поможет ей пересмотреть Версальский договор. Первомайское преступление социал-демократии знаменует начало присоединения буржуазно-меньшевистской Германии к противосоветскому блоку.

Но социал-демократические пособники германского капитализма могут жестоко ошибиться в расчете. Они могут с помощью полиции, жандармов, судов и тюрем закрыть союз красных фронтовиков, могут даже распустить компартию (а они к этому стремятся), но они никогда не сломят революционного духа германского пролетариата. Германская революция назревает. Баррикады в Берлине 1 и 2 мая ее первые ласточки. На заводах, в шахтах, на верфях, на транспорте живут и будут жить и расти революционные очаги. «Союз красных фронтовиков распущен,—да здравствует союз красных фронтовиков!»—таков ответ германского пролетариата буржуазии и ее социал-фашистам.

И недалек тот день, когда этот союз возглавит германскую революцию, когда он понесет в бой свои красные знамена, когда он даст миру новый Октябрь—германский Октябрь!

А. Рудаков.

Фото А. Лесного.



Мастерская на колесах

Очерк Ив. Костина.

Герои дня.

ИХ БЫЛО двенадцать.

Они сошлись на рельсах и, щурясь от хлестких порывов апрельской поземки, летящей по стоверстному пути, внимательно оглядели вереницы вагонов. Толпа, тесно наполнившая перрон Курского вокзала, заколыхалась.

Их узнали.

Навстречу им хлынул приветственный гул оркестров и «ура». Двенадцать, поправив за плечами свои котомки, зашагали к вагону, стоящему в конце длинного поездного состава. За ними двинулась толпа и плотным кольцом оцепила вагон, в который они вошли. Дверь вагона отодвинулась. В дверях показались представители различных организаций, бросали горячие напутственные слова двенадцати. Под музыку и «ура» поезд исчез в белесой мгле поземки. Вслед ему с перрона долго еще гремел оркестр.

Двенадцать бригадников, посланные тульскими рабочими для ремонта с.-х. машин в Плавском районе, еще раз махнули кепками в сторону Тулы и ушли с площадки в вагон

Горбачевский вокзал тонул в мятущемся снежном хаосе. Смутно вырисовывались очертания деревьев, гнущихся под тяжестью ветра. Из-за деревьев вырывались огни, скользили по снегу, потухали и вновь вспыхивали.

В горбачевском клубе ждали бригадников. Железнодорожные фонари, развешанные по стенам, скупо освещали рабочих, наполнивших скамейки, толпившихся в проходах.

Двенадцать прошли на сцену и выстроились там под рокот и гул долго не смолкавших аплодисментов. Открылся митинг. Председатель РИК'а рассказал о путях развития хозяйства района, бригадники — о своих задачах. Выступали крестьяне, говорили о смычке, крепко жали руки бригадникам.

Дым горна.

Дверь вагона скрипнула. В вагон вошел краснощекий деревенский парень и, бережно положив гармонь на скамейку, пробасил:

— Которые из города приехали—тута?

— Тут,—разом откликнулся вагон.—А что?

Парень цыкнул на толпившихся сзади любопытных ребятишек и шагнул на середину вагона:

— Мы, можно сказать, на предмет починки плугов, а также сох. За вами, можно сказать. Из Самозвановского сельсовета...

На снегу серебристым огнем полыхало весеннее солнце.

Из вагона-мастерской мягко заплюхалось в снег железо. К вагону под'ехали подводы. Крестьяне бережно и любовно зарывали в пушистую солому инструмент.

Скоро подводы скрылись за бугром и попрежнему тихо стало на станции.

В деревни уехали 3 бригады (по 3 человека в каждой), 4-я бригада осталась здесь. К серой громадине депо подполз с флагами и гармоникой обоз, нагруженный машинами.

Клубы серого дыма окутывали горн. Кузнец Иван Николаич, щуря выцветшие глаза, качал мех. Шапка его сдвинулась на затылок, из-под ней выбились на лоб выбеленные изморозью седины волосы. Шипел и свистел мех...

— Становись в очередь!—кричал Иван Николаич, улыбаясь, на толпившихся крестьян—Мишка, письмовод, записывай, которые первые.

Из дыма вырвалось и заплясало веселое, юркое пламя. Мишка выхватил клещами раскаленную полосу и сунул на наковальню.

Кузнец торжественно оглядел депо и медленно поднял молот.

— Эх, вы, родные!—вдруг заорал Иван Николаич.

Молот стремительно упал на полосу. Золотые веера искр стрельнули в депо...

Ответ деревни Петровки.

...У дороги стыли в вечерней тишине лозины. За ригами тихо угасал янтарный бунинский закат. Последние солнечные лучи бежали по огородам и теплились на широкой жерди колодезного журавля. В этих лучах лозины казались хрупкими и прозрачными.

Из-под бугра доносились удары молота. Мы с комиссаром бригад Абрамовым—молодым, веселым парнем с чахоточным хрипом в груди—спустились вниз к кузне.

Абрамов тяжело переводил дыхание и улыбался.

На снегу чернели части машин. Тоненькие струйки дыма вырывались из щелей ветхой кузнецы и подымались вверх голубыми столбиками. В дверях толпились крестьяне. Взлетал и падал молот. Кузнец прилаживал новые сошники к плугам, оттаскивал в сторону, снова совал в горн железо.

— Вас бы к нам на все время,—гомонили в дверях.—Эх, и зажили бы!

— Куда ж лучше...

Слесарь, окруженный молодежью, работал в избе одного из крестьян. В школе шу шал рубанок, желтые вороха стружек осыпались на пол. Плотник ладил для школы новые столы и скамейки.

За окнами пробежали ребятишки, махая шапками и горланя:

— На собрание!—звали они.

Когда стемнело, школа была битком набита крестьянами.

Тусклый свет коптушки освещал президиум, путался в окладистой бороде председателя. Углы помещения тонули в полусумраке.

Бригадник сделал доклад о работе бригады. Крестьяне слушали молча, напряженно внимательно. Изредка вспыхивал огонек спички, освещая усатое лицо, и снова зал погружался в сумрак.

Когда бригадник кончил, школа сразу наполнилась сумятицей голосов.

— Обоз! Обоз надо!—выросло из этого гомона.

— Обоз!—гудела теперь уже вся школа.

Председатель вскочил и хлопнул ладонью по столу.

— Есть предложение: замест ризолюции ответить нашей деревне Петровки на приезд рабочих, в целях смычки, организацией красного обоза.

Верно я понял?

— Правильно,—зашумели в зале.—Сыпь дальше!

— Ставлю на большинство голосов. Кто за это, прошу...

Сотни рук поднялись вверх. Кулаки сунули руки в карманы полушубков и угрюмо сбились в угол.

— Предлагается произвесть запись.

— Не надо!—рявкнули из угла.—Товарищи, не голосуйте! Это обдурение крестьянства. Опять налог на свою шею взваливаете, дурачье! Мы отказываемся!

— Ну, и пес с вами,—резюмировал председатель.

Лист покрылся подписями. Деревня Петровки и прочие окрестные деревни дали несколько тонн хлеба.

В глуши.

Снова версты стального пути легли за вагоном-мастерской. Чуть брезжил рассвет, когда вагон прибыл на станцию Красное,—маленькую, глухую станцию, затерянную в полях. На бугре перед станцией колыхалась толпа крестьян, собравшихся встречать бригадников.

Какими путями идет весна? Недавно была метель, а с бугров уже гремели мутно желтые от глины ручьи, на полях чернели широкие проталины, лозины, выглящиеся за маленьким домиком станции, смотрелись в полую воду реки Плавы...

Один раз в сутки мимо станции Красная в облаках пара пролетал поезд. Седой начальник станции, окруженный курами, выходил на бугор, махал флажком, и поезд, громыхнув на стрелках, тонул в солнечном мареве. Станция опять погружалась в тишину. И только вечером по водной глади откуда-то плыла протяжная деревенская песня.

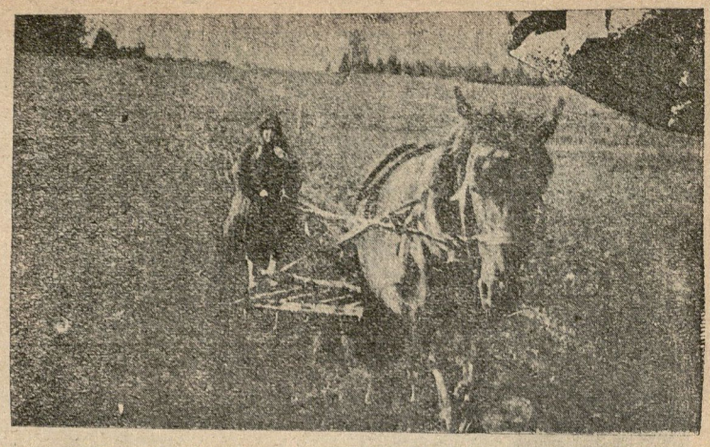
— Глушь изрядная. Кулаки ведут против нас отчаянную агитацию,—рассказывал Аб-



Бригадники дают отчет перед крестьянами о проделанной работе. На снимке президиум собрания.



Деревня встречает бригадников.



Сев заканчивается. Бороньба.

рамов, закуривая папироску.—По деревням распускают слухи, что за ремонт осенью мы будем брать плату хлебом. Смычка им не особенно нравится.

Но со всех деревень стекалась к кузницам беднота У санитарного вагона с утра стояла очередь. Врач пропускал в день до 130 чел.—втрое больше своей нормы. За вагоном ветеринар осматривал лошадей. Лицо этого добродушнейшего человека становилось сухим и строгим.

— Говоришь, кашляет лошадь-то?

— Кашляет, гражданин-товарищ, прямо ужасно кашляет,—подхватывал крестьянин, заглядывая в лицо ветеринара.

— Холодной водой поил?

— Поил, было такое ..

— Я и вижу, что было.—Так лошадь и погубить недолго. Сам на себя беду навлекаешь.

Ветеринар вынимал из сумки лекарство и рассказывал, как надо ухаживать за лошадью.

Сотрудники губфинотдела бодро хлюпали по грязи в соседние деревни рассказывать о сельхозналоге и агроминимуме. За время стоянки вагона на станции Красное не осталось ни одной дер вни, ни одного хутора в окрестности, где бы не побывали эти два парня в черных полушубках и серых городских кепи...

Событие.

Небывалое событие случилось однажды вечером.

К станции в неурочное время несся поезд. Мало того, по полям разносились никем здесь доселе неслыханные звуки.

Начальник станции без кителя выбежал на бугор.

Играл оркестр. В первый раз в этих местах играл оркестр.

Паровоз подлетел к станции и остановился. Из вагонов высыпали музыканты, подняли трубы и грохнули марш.

Через час клуб при мельнице был наполнен до отказа. Так наполнен, что даже не открывалась дверь. Дюжий, коренастый секретарь ячейки с величайшим трудом втиснулся в толпу, прокладывая дорогу рабочим.

На сцене было натянуто белое полотно. Шипел волшебный фонарь. На экране появлялись и исчезали фигуры, слова. Врач делал доклад о сифилисе.

В антрактах непрерывно играл оркестр. Ребятишки облепили краешки скамеек музыкантов, заглядывались на сверкающие трубы.

По окончании лекции драмкружок клуба им. Ленина поставил инсценировку «Суд над Парижской Коммуной» и концерт.

Расходились на рассвете. Высоко на бугре темнели силуэты вагонов.

Шумела вешняя вода...

От'езд.

...Снова версты стального пути легли за вагоном мастерской.

Бригады произвели ремонт машин на станции Сумароково. Одна из бригад побывала здесь в молодом колхозе им. Орлова, прошлой осенью организовавшемся в стенах быв. женского монастыря.

19 апреля—последний вечер перед от'ездом. Ходили в общежитие рабочих, смотрели там картину «За урожай», которую привез из Тулы в честь нашего от'езда кино-механик.

За эти 14 дней мы стали хорошими друзьями: и рабочие, и веселые парни из губфинотдела, и старый инструктор РКИ...

Ночью мы не спали.

Иван Николаевич ходил по вагону и каждому из нас по-очереди давал крохотный, засаленный блок-нот. И мы писали в этом блок-ноте свои фамилии и свои адреса. А потом все вместе пели песни.

За окнами вагона вспыхивали огни семафоров и тяжелым звоном звенели рельсы.

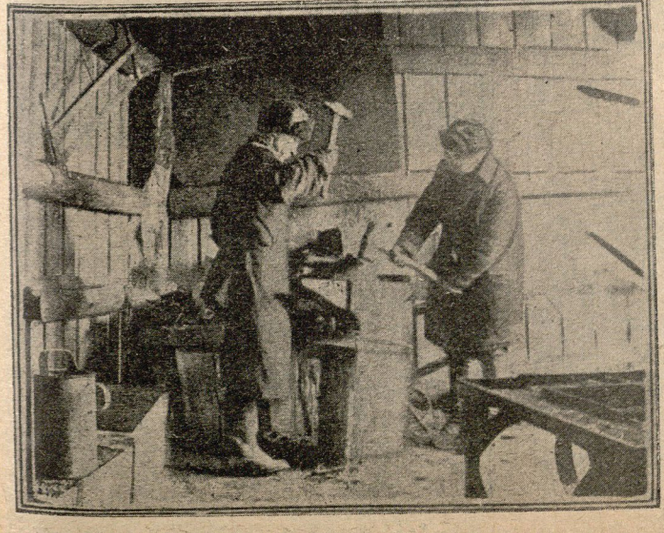
Абрамов протянул мне свою записную книжку. В ней было написано:

«За 14 дней бригады отремонтировали 434 машины. Этот ремонт с'экономил бедноте 2733 р. Собрания с докладами о сельхозналоге и агроминимуме были проведены в 21 деревне. На них присутствовало 1660 крестьян. Медицинская помощь была оказана 2192 крестьянам. Ветеринар осмотрел 468 голов скота. Прочитано 14 лекций!..

— Здорово?—спросил Абрамов и улыбнулся.—Лихо поработали, что и говорить.

За улыбкой его сверкала большая гордость,—гордость за трудовой подвиг двенадцати.

Ив. Костин.



Бригадники ремонтируют с.-х. орудия.



Сыроварная артель (Богородицкий район).

Первое мая в Туле.



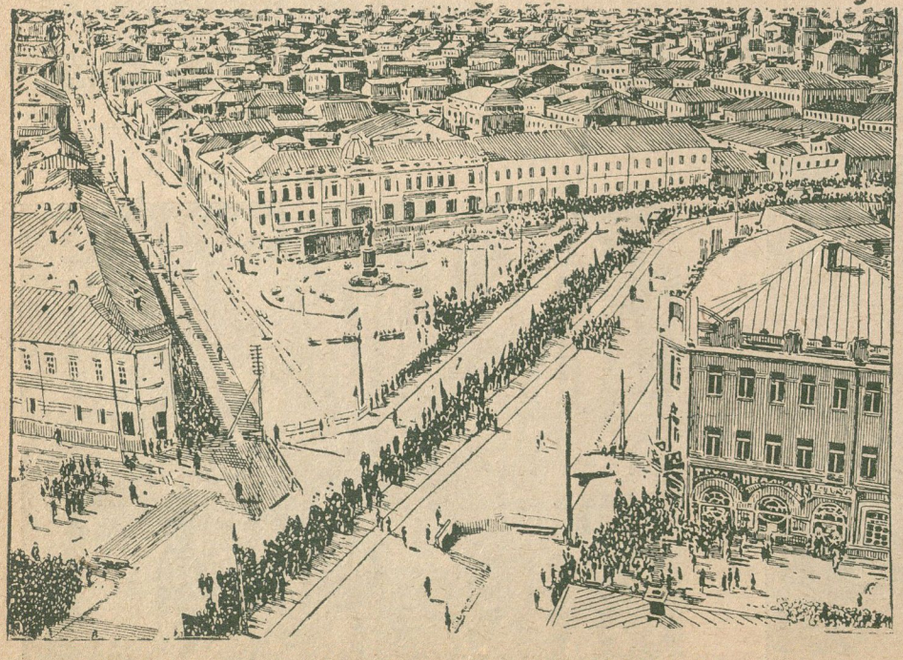


Тульский пролетариат вышел на улицы с лозунгами: Путем социалистического соревнования, поднятия производительности, дисциплины, развития индустриализации и коллективизации, укрепления обороны страны, приблизить мировую революцию, социализм.



ПОД ГАРМОШКУ. (Отряд Осоавиахима).





Колонны демонстрантов растянулись от края и до края города.

(У площади Восстания).



